

М.А. Широкова

Ранние славянофилы о природе государства на Западе и в России

Современные исследователи нередко поднимают вопрос о том, какое место в отечественной философско-политической традиции занимают идеи славянофилов. Стоит ли в очередной раз обращаться к изучению заведомо предвзятой, явно односторонней концепции славянофильства, содержащей тенденциозный идеологический конструкт, непримиримые оппозиции: «белое – черное», «свои – чужие», «Россия – Запад». Об идеализации славянофилами России «в положительную сторону», а Запада – «в отрицательную сторону» сказано и написано уже очень много. Но несоответствие во многом славянофильского конструкта реальности еще не означает несостоятельности их общего тезиса о различии фундаментальных ценностных оснований бытия и сознания России и Запада. Идеологи славянофильства даже зачастую намеренно заостряли оппозиции, щедро представленные в их произведениях («жизнь – мертвенность», «внутреннее – внешнее», «самобытность – подражательность», «юридизм – нравственность» и многие другие). Все эти настойчивые противопоставления, действительно, выливаются у них в знаменитую антитезу «Россия – Запад». Славянофилы порой доводили ее до крайности, чтобы привлечь внимание общества на наличие проблемы, побудить Россию к осмыслению себя. Именно напряженное осознание борьбы противоположностей дает обществу мощный ресурс развития, а это чрезвычайно важно для нашей страны и в настоящее время.

Проблема природы государства – одна из центральных проблем всякой политической доктрины – также рассматривалась славянофилами через призму антитезы «Россия – Запад». Сразу отметим, что, несмотря на религиозный характер славянофильской философии, государство и политическая власть у них, несомненно, имеют земную, а не небесную природу. Согласно философским построениям А.С. Хомякова, власть земного правителя не может быть подобна власти Бога, ибо отношения между Богом и человеком не носят властного характера. Это отношения любви. Отсюда следует, что ни монархия, ни какая-либо иная форма правления не может иметь божественной санкции. Она создается человеческим обществом и изменяется вместе с его развитием. Ю.Ф. Самарин писал не без иронии: «Спаситель и апостолы создали церковь и дали человеку учение об отношении человека к Богу, но они не создавали государственных форм и не писали конституций» [1, с. 557].

Известный исследователь славянофильства Н.И. Цимбаев отмечает: «Отрицание славянофилами теории божественного права, которая в середине XIX века выглядела уже устаревшей, не требовало особой научной или общественной смелости» [2, с. 189]. Однако, на наш взгляд, вопрос заключается не в научной или даже общественной смелости славянофилов, а в их понимании сути отношений между Богом и человеком, о чем говорилось выше. Что же касается теологической концепции происхождения власти и государства, то она, несмотря на свою древность, активно используется и в наше время. Но славянофилы не стремились в данном случае к новизне научного подхода; их целью было создание по возможности непротиворечивой концепции государства, которая бы вписывалась в их общую философско-политическую доктрину.

Выводы же, сделанные, в частности, К.С. Аксаковым на основании тезиса о земном происхождении государственной власти, прозвучали тогда, на фоне широкой пропаганды идеологии «официальной народности», весьма смело: «*Повинуйтесь властям предержащим, но не обожайте их. Чтите Царя, но не раболепствуйте, не поклоняйтесь пред ним, не боготворите его, не считайте его непогрешимым и совершенным. Иначе – это будет идолопоклонством*» [3, с. 98].

Важно, что, отвергая происхождение государственной власти «от Бога», славянофилы с такой же убежденностью отвергали и ее происхождение «от дьявола», характерное для первых веков христианства. Они подчеркивали нейтральность политических форм и возможность наполнения их любым содержанием. Н.А. Бердяев имел в виду именно это положение славянофильства, когда писал, что «в нем было слишком много идилличности». Русская религиозная философия рубежа XIX–XX вв. в своей оценке государства зачастую возвращалась к воззрениям первых христиан. По мнению Бердяева, Хомяков и остальные славянофилы не понимали, что «во всякую власть государственную проникает дух антихристов», что «в государственности, в природе власти раскрываются глубины сатанинские» [4, с. 208].

Представляет интерес сопоставление славянофильской трактовки происхождения государства с теорией общественного договора. Не опровергая этой теории в целом, славянофилы весьма своеобразно применяли ее отдельные положения как к истории России, так и к всемирной истории.

Подобно всем сторонникам договорной концепции, славянофилы признают наличие некоего начального периода в истории человечества, когда не существовало государства и политической власти. У основоположников западного либерализма (Гроция, Спинозы, Гоббса, Локка и др.) этот период получил название «естественное состояние». Славянофилы не пользовались данным термином, хотя, несомненно, считали описанное ими состояние самым естественным для человеческой природы. Если классический либерализм преимущественно трактует естественное состояние как состояние не только до-государственное, но и до-общественное, когда каждый отдельный индивид мог неограниченно пользоваться своей естественной свободой, то славянофилы придерживались той точки зрения, что общественный уклад жизни был изначально присущ человечеству, а государство возникает лишь на определенном этапе развития общества. И основной причиной создания государства были не разногласия между отдельными индивидами, а «враждебные столкновения племен» [5, с. 180]. В данном пункте славянофильского учения о государстве чувствуется влияние весьма распространенной в Европе XIX в. «завоевательной» теории. Но и ее трактовка у славянофилов, как увидим ниже, достаточно оригинальна.

Отличительной чертой славянофильской концепции государства является то, что славянофилы, как правило, мыслили государство конкретно-исторически, а не абстрактно. Они говорили о Римском государстве, о Китайском государстве, об Израиле, о государствах Западной Европы (и отдельно об Англии), а особое внимание уделяли государственности в России. Но крайне редко у славянофилов можно встретить теоретические обобщения, касающиеся всех государств в целом. Государство для них – конкретный политический институт в конкретном обществе, создаваемый людьми по необходимости, в силу сложившихся общественных условий, а также в силу несовершенства человеческой природы. Такой подход особенно явно расходился с подходом Гегеля и русских западников-гегельянцев, согласно которому государство есть идея, существующая априори, государство есть «вообще первое», то, что диалектически предшествует развитию всех остальных общественных союзов. По учению славянофилов, государство получит статус всеобщности только тогда, когда оно будет освящено народом и церковью и органически воссоединится с ними.

Подробное описание догосударственной эпохи было дано А.С. Хомяковым в его «Семирамиде» («Записках о всемирной истории»). Согласно ему, после Великого потопа человечество естественным образом поделилось на три ветви племен, потомков трех сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета. Первоначально между племенами царило духовное единство, ибо они

ощущали себя одной семьей, что выражалось прежде всего в существовании единого языка. «Свободно и легко расходились племена по простору приветливой земли, но отношения дружбы и братства не были еще забыты. *Одни уста были у всей земли и один язык у всех*, по живому и глубоко поэтическому выражению Ветхого Завета», – писал Хомяков [6, с. 18]. Но уже в это время наметился «внутренний» раскол человеческого рода, принципиально гораздо более важный, чем «внешний» раскол «по племенам», – в духовной жизни людей формируются два противоположных религиозных начала: религия, поклоняющаяся свободно творящему духу, и религия, считающая вещественную необходимость. Первое из этих начал Хомяков назвал *иранством*, второе – *кушитством*. Их борьба и определила всю дальнейшую историю человечества. Племена, населяющие земной шар, делятся, по мнению автора «Записок», на те же группы, что и религии: на иранские и кушитские. Следует заметить, что, по мысли Хомякова, практически не существует чисто иранских или чисто кушитских народов, однако в религии каждого племени преобладает либо иранское, либо кушитское начало.

Кушитский дух, впервые проявившийся в непочтительном отношении Хама к своему отцу, в конечном итоге восторжествовал в его потомках. «Семена духовного раздора уже были брошены отступничеством Хамидов от общего предания». Именно тогда впервые в истории человечества и было заключено некое подобие общественного договора с целью образования мирового государства, которое объединило бы всех людей на земле политическими узами взамен утраченных духовных. «Внутренний союз потерял свою силу, прибегли к внешнему, условному, к попытке одного государственного устройства для всего рода человеческого, с одною правительственною или религиозною столицею... Таков явный смысл предания о Вавилонской башне» [6, с. 18]. Грандиозная башня до небес в представлении Хомякова была символом государственной организации – нового типа общественных отношений, не данного Богом, но созданного людьми. А неудача строителей олицетворяла собой невозможность достичь подлинного единства только человеческими, иначе говоря – только политическими средствами. «Не благословен был труд строителей в равнине Сеннаарской. Условный союз и условная община невозможны при внутреннем разладе убеждений. Попытка искусственного соединения кончилась как должна была кончиться – раздором. То, что должно было скрепить слабеющие узы дружбы между племенами, разорвало их навсегда. Давно хладающее чувство братства заменилось явною и прямою ненавистью, загорелась вражда народов и перешла в тяжкое наследство, от которого человечество откажется только тогда, когда единство убеждения возобновит общий внутренний союз» [6, с. 18].

Для Хомякова Вавилонское столпотворение представляло собой второе по счету грехопадение человечества после грехопадения Адама и Евы. Второй раз человек предпринял дерзкую попытку сравниться с Богом – теперь уже в создании совершенных общественных форм и общественных отношений. Но людям не удалось образовать всемирное государство, и причин тому, по словам Хомякова, было много: споры о первенстве родов, разногласие вер и т.д. Последствия же этого необдуманного шага были обусловлены в одинаковой степени несовершенством человеческой природы и божьим гневом.

Первое грехопадение повлекло за собой изгнание прародителей из рая, второе ознаменовало конец Золотого века народов. «Кончилось светлое и святое младенчество человеческого рода, кончились взаимные сношения и развитие просвещения синтетического и вселенская жизнь мысли. Об этом раннем периоде остались предания и сказки. Мир в своих грустных воспоминаниях и веря, и не веря ему, назвал его Золотым веком. Начались века борьбы, века героические» [6, с. 19].

Кушитские племена, или Хамиды, стали создавать свои государства путем общественного договора, ибо только он мог объединить общества, в которых уже не действовал нравственный закон любви к Богу и к ближнему. Целью всех кушитских государств было завоевание других племен. Что же касается иранцев, или «Семи-Яфетидов», то они продолжали жить в рамках патриархального общинного устройства и, таким образом, становились уязвимыми для своих воинственных соседей, несмотря даже на свое численное преимущество. «Когда возник раздор семей и вражда обратилась в борьбу за первенство, племена, сохранившие простоту семейного быта и безыскусственность синтетического просвещения, должны были сделаться жертвою переворота, к которому они не были готовы, – писал Хомяков. – Племена, оторвавшиеся от древней семейной простоты, развившие односторонность свою в изучении вещественных сил природы, в свободном анализе, не связанном никаким преданием, и в условном порядке государственности, основанной на общем согласии для частной выгоды каждого, эти племена должны были одержать верх над бессильным сопротивлением народов младенчески простодушных. Владычество мира в его новом искажении принадлежало Хамидам» [6, с. 21].

В сложившихся условиях иранцы вынуждены были создавать свои государства. Но «соединение людей в искусственную форму государства», форму чисто внешнюю (правда, до тех пор, как отмечал Хомяков, пока она не будет осознана как «выражение глубокой мысли человеческой, лежащей искони в душе человека», а это время еще не наступило, по мнению философа, даже в современном ему XIX в.), – это соединение «было чуждо иранскому духу». Оно

было принято иранцами как внешняя необходимость, как «средство отпора против совокупных сил кушитских» и, следовательно, «составилось в образах чуждых, со всеми признаками рабского подражания» [6, с. 36]. Таким образом, кушиты явились «учителями» Ирана в образовании «условных общин», или государств [6, с. 46].

Хомяковская антитеза «иранство – кушитство» в дальнейшем переходит в антитезу «Россия – Запад» как у самого Хомякова, так и у других славянофилов, в особенности у И.В. Киреевского. Киреевский обращается к проблеме происхождения государства в России и в Европе для того, чтобы показать отличие «коренных», первичных начал, на которых основано Русское государство, от начал, лежащих в основе всех западных государств. В отличие от остальных славянофилов, считавших, что государственность в России формировалась под большим или меньшим влиянием европейских государственных институтов, Киреевский подчеркивал ее абсолютную «самобытность». И главное – он отрицал возможность проявления на Русской земле каких-либо элементов «общественного договора».

По его мнению, государственное устройство практически всех западных народов «возникло из завоевания». А поэтому с момента образования и до современности все западные государства состоят из двух совершенно различных «классов», ни при каких обстоятельствах не смешивающихся между собой, – *завоевателей* и *завоеванных*. Согласно взглядам Киреевского, непримиримая борьба двух спорящих племен – угнетающего и угнетенного – является содержанием истории любого государства Европы. Она послужила причиной постоянной ненависти сословий, «неподвижно друг против друга стоящих, с своими враждебными правами, с исключительными преимуществами одного, с глубоким недовольством и бесконечными жалобами другого, с упорною завистию возникшего между ними среднего, с общим и вечно болезненным колебанием их относительного перевеса, из которого рождались наружные, формальные и насильственные условия примирения, которыми все стороны оставались недовольными и которые могли получить некоторое утверждение в сознании общественном только из начала, вне государства находящегося» [7, с. 213].

Таким началом стало право. Правовые установления заняли место моральных норм во всех сферах жизни общества, и в первую очередь в политике. Но с помощью права оказалось невозможным достичь общественной гармонии, поскольку право несовершенно, как и все, по мнению славянофилов, что создается человеческим рассудком, не просветленным верой. «Чем менее было прав для сословия, происшедшего от племени завоеванного, тем менее было правности в понятиях сословия, происшедшего от

завоевателей» [7, с. 213]. И все же только на правовых условиях могли быть основаны на Западе, по выражению Киреевского, все «правильные» общественные отношения: «Вне условия нет отношений правильных, но является произвол, который в правительственном классе называется *самовластьем*, в управляемом – *свободой*. Но и в том, и в другом случае этот произвол доказывает не развитие внутренней жизни, а развитие внешней, формальной» [7, с. 123]. Именно правовые нормы, поддерживающие условное единство западных государств, и представляют собой «общественный договор». Киреевский писал: «*Общественный договор* не есть изобретение энциклопедистов, но действительный идеал, к которому стремились без сознания, а теперь стремятся с сознанием все западные общества под влиянием рационального элемента, перевесившего элемент христианский» [7, с. 123].

Итак, происхождение западных государств славянофилы объясняли, основываясь на завоевательной теории и теории общественного договора. При этом общественный договор рассматривался ими не как единовременный акт, создавший государственную власть, а как постоянный процесс выработки правовых норм, за счет которых сохраняются формальное единство и жизнеспособность государства.

Совсем иначе строится славянофильская трактовка происхождения Русского государства. Славянофилы придерживались морально-этической концепции происхождения государства на Руси. Все славянофильские идеологи сходились на том, что русскому народу государственность была необходима для сохранения своей самобытности и «правильного» развития своих духовных начал. Но процесс создания государственной власти на Руси Киреевский, Хомяков и Аксаков описывали по-разному.

Говоря о возникновении «общественного быта» Европы, И.В. Киреевский заметил, что «по какой-то странной исторической случайности» он почти везде сложился насильственно, «из борьбы насмерть двух враждующих племен». Что же касается России, то здесь «государственность... произошла из спокойного развития национальной жизни и национального самосознания» [7, с. 208]. Вслед за Н.М. Карамзиным и М.П. Погодиным Киреевский подчеркивал, что русская государственность возникла не в результате завоевания, но в результате добровольного призвания власти. А потому «основные понятия человека о его правах и обязанностях, о его личных, семейных и общественных отношениях не составлялись насильственно из формальных условий враждующих племен и классов – как после войны проводятся искусственные границы между соседними государствами по мертвой букве выпоренного трактата. Но, не испытав завоевания, русский народ устраивался самобытно» [7, с. 209]. По мнению Киреевского, призвание варягов не нарушило и не могло нарушить «самобытно-

го» развития русской государственности, а явилось естественным элементом этого развития: «Каково бы ни было наше мнение о пришествии варягов: добровольно ли вся русская земля призвала их или одна партия накликала на другую, но ни в каком случае это пришествие не было нашествием чужого племени, ни в каком случае также оно не могло быть завоеванием», поскольку против воли русского народа чужое племя не могло бы держаться у власти так «безмятежно». При варягах на Руси «спокойно и естественно совершилось образование ее общественных и государственных отношений, без всяких насильственных нововведений, единственно вследствие внутреннего устройства ее нравственных понятий» [7, с. 224]. Впоследствии, с введением христианства, «нравственные понятия» русского человека изменились, а вместе с ними трансформировались и его «общежительные отношения», и потому «все общественное устройство русской земли должно было в своем развитии принять также направление христианское».

В своей уверенности в том, что Русское государство с самого начала было воплощением «нравственных понятий» народа и продуктом идей «правильного» просвещения, Киреевский серьезно расходился с А.С. Хомяковым. Последний, как уже говорилось выше, считал, что время для такого государства, которое бы представляло собой осознанное выражение «глубокой мысли человеческой», не наступило даже в XIX в. Если для Киреевского Древнерусское государство являлось органической частью «существенного смысла» внутренней и общественной жизни народа, то по мысли Хомякова государственность была «призвана» на Русь для того, чтобы обеспечить внешнюю защиту развитию внутреннего «просветительного» начала – христианства. Его «быстрое и полное развитие» требовало «таких условий цельности и стройности в жизни общественной, которых еще нигде не встречалось, достигнуть же их можно бы было только при такой независимости от влияний внешних, которая невозможна на земле ни одному народу, всегда стесняемому и совращаемому с пути силою и напором других народов» [8, с. 215]. Перед Россией с самого начала возникли «неодолимые препятствия» на пути к достижению этой цельности. Ведь Русская земля не остров «среди хранительной защиты моря», она была со всех сторон открыта и беззащитна «по слабости своих естественных границ» и со всех сторон окружена народами, «не знающими мира в себе и потому всегда готовыми посягать на мир других».

У К.С. Аксакова идея о «вынужденном» характере Русского государства приобрела наиболее категоричную форму. Он был убежден в «безгосударственности» русского народа. «Россия, – утверждал Аксаков, – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая

на европейские государства и страны». С Европой она разнится «с самой первой своей минуты»: как уже было отмечено, в отличие от европейских государств Русское государство основано не завоеванием, но добровольным призыванием власти. У истоков европейских государств лежала взаимная вражда, власть пришла туда как враждебная сила, как вооруженная дружина, завоевывающая чужой народ; в России же власть «явилась как званый гость, по воле и убеждению народа». Вывод Аксакова звучит так: «В основании государства западного: *насилие, рабство и вражда*. В основании государства русского: *добровольность, свобода и мир*» [9, с. 8–9].

Аксаков использовал норманнскую теорию для того, чтобы доказать, что государственность как таковая есть явление западное, которое русский народ принимает лишь условно, как «неизбежное зло» [10, с. 47]. Идеолог славянофильства считал, что когда из-за несовершенства человеческой природы и необходимости защиты от врага установление государственности оказалось необходимым, русские призвали государственную власть извне, потому что не пожелали сами стать государством. Они наделили монархов абсолютной властью как раз для того, чтобы абсолютно освободиться от всяких забот о делах государства. «Государство, – писал Аксаков, – создано было славянами как необходимая крайность, и они призвали его, не смешивая с общиной, с нравственным, внутренним началом, с началом жизни, которое сберегли в себе. Вот почему государство никогда у нас не обольщало собою народа, не пленяло народной мечты; вот почему, хотя и были случаи, не хотел народ наш облечься в государственную власть (в республику), а отдавал эту власть выбранному им и на то назначенному государю» [9, с. 57].

Остальные представители «старшего» славянофильства были во многом не согласны с теорией Аксакова. Так, Хомяков полагал, что, хотя государственность и принесли на Русь варяги, в дальнейшем государственное начало сделалось живой, органической частью народной жизни, и лишь благодаря этому все русские земли смогли объединиться в великую державу. Показательна в этом отношении полемика Хомякова с историком С.М. Соловьевым. Соловьев утверждал, что на Руси до пришествия варягов не было зачатков государственности, а существовал исключительно «родовой быт» [11, с. 431–480]. «И вдруг очнулись разрозненные роды на пространстве земли в пол-Франции и зовут себе общего властителя или князя, – с иронией писал Хомяков в ответной статье. – Прямо перескочили они через временные коалиции местные, через местные племенные правления к обширной конфедерации в самой строгой форме. И все почему? Потому что варяги несколько времени сидели в Новгороде бродячею шайкою». Хомяков ратовал за соблюдение принципа историзма и

в пику Соловьеву (назвавшему славянофильское направление «антиисторическим») указывал, что как раз в его теории «всякое слово противно историческому смыслу» [5, с. 527]. Государственность не могла бы быть навязана русскому народу чужеземцами, если бы в нем самом не существовало потребности к политическому объединению. Славянофилы последовательно отстаивали эту точку зрения в идейной борьбе с западниками. Так, К.Д. Кавелин в известной статье «Взгляд на юридический быт Древней России» выразил мнение, что «варягам принадлежит первая идея государства на нашей почве» [12, с. 110]. Кавелину возражал Ю.Ф. Самарин: «Если под идею государства разуметь соединение племен и родов под одною властью, сознательно и свободно призванною, то она не принесена варягами, а, напротив, ее пробуждение было поводом к их призыванию. Присутствие варягов, так сказать, запечатлело ее, дало ей внешний образ» [13, с. 47]. Все представители «старшего» славянофильства, кроме Аксакова, старались не акцентировать внимание на иноземном происхождении русской государственной власти, хотя прямо и не оспаривали его. А.С. Хомяков был убежден, что правители Московского государства (даже Рюриковичи, не говоря уже о Романовых) по своему духовному складу уже являлись русскими, более того, они не имели морального права считать себя чужеземцами. Московские князья, а впоследствии и цари, обладали властью потому, что русский народ вручил им ее, а не потому, что они были потомками варяжских пришельцев. Правители должны были осознавать себя и народ единым целым. Не случайно Хомяков резко критиковал в Иване Грозном «гордое воспоминанье о варяжском происхождении и желание создать себе родословную от Августа». «Очевидно, – отмечал философ, – что русский, ставящий право и славу, взятые от иного народа, выше русской славы и права своенародного, наполовину уже отрекся от Древней Руси» [8, с. 221].

А по мысли И.В. Киреевского, варяги вообще не имели сколько-нибудь существенного значения в процессе формирования Русского государства. Оно возникло по причине саморазвития внутренних начал «народного духа». Таким образом, родоначальники славянофильства не соглашались с К.С. Аксаковым в том, что идея государства абсолютно неприсуща русским. Они видели различие между Россией и Западом в принципиально ином характере Русского государства.

Итак, согласно славянофильской концепции, основной причиной возникновения государственности на Руси явилось то, что внутренние нравственные начала русского народа нуждались в соответствующих условиях для своего проявления и благоприятного развития. А поскольку Русь была окружена враждебными народами, то обеспечить такие условия могла только политическая организация общества.

Библиографический список

1. Самарин, Ю.Ф. Сочинения / Ю.Ф. Самарин. – М., 1877. – Т. 6.
2. Цимбаев, Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н.И. Цимбаев. – М., 1986.
3. Аксаков, К.С. Голос из Москвы / К.С. Аксаков // Литература и история. Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII–X вв. – СПб., 1992.
4. Бердяев, Н.А. Алексей Степанович Хомяков / Н.А. Бердяев. – М., 1912.
5. Хомяков, А.С. Сочинения : в 2 т. / А.С. Хомяков. – М., 1994. – Т. 1.
6. Хомяков, А.С. Полн. собр. соч. / А.С. Хомяков. – М., 1900. – Т. 6.
7. Киреевский, И.В. Избранные статьи / И.В. Киреевский. – М., 1984.
8. Хомяков, А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» / А.С. Хомяков // Благова Т.И. Родоначальники славянофильства. Алексей Хомяков и Иван Киреевский. – М., 1995.
9. Аксаков, К.С. Сочинения / К.С. Аксаков. – М., 1861. – Т. 1.
10. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого : реферативный сборник. – М., 1992. – Вып. 2.
11. Соловьев, С.М. Шлецер и антиисторическое направление / С.М. Соловьев // Русский вестник. – 1857. – №3–4.
12. Кавелин, К.Д. Взгляд на юридический быт Древней России / К.Д. Кавелин // Русский вестник. – 1856. – Т. 5, №9.
13. Самарин, Ю.Ф. Сочинения / Ю.Ф. Самарин. – М., 1877. – Т. 1.